

ЛІТАРАТУРАЗНАЎСТВА

УДК [821.161.3–3+821.111(73)–3]: 502.1«19»

*О. В. ГНИЛОМЕДОВА***ЧЕЛОВЕК И ПРИРОДА В ОСМЫСЛЕНИИ АМЕРИКАНСКИХ
И БЕЛОРУССКИХ ПИСАТЕЛЕЙ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА***Военная академия Республики Беларусь**(Поступила в редакцию 24.03.2015)*

В литературах всех народов природа в силу своей непреходящей значимости всегда являлась предметом глубокого идейно-художественного анализа. Отношения человека и природы отразились уже в мифологии. Древний человек обожествлял природу. Согласно древней философской традиции природа считалась воплощением божественного, хотя в иерархии творений она находится ниже человека. Со временем философское содержание понятия природы и ее взаимодействия с человеком постоянно углублялось, приобретало широкий смысл, становясь в один ряд с понятием материи, универсума, биосферы.

Понимание природы проникнуто своеобразным историзмом. С первых страниц Библии становится очевидной прямая связь человека с природой: «И создал Господь Бог человека из праха земного, и вдунул в лице его дыхание жизни, и стал человек душою живою» (Быт 2:7). Выражение «из праха земного» подчеркивает связь человека с природным миром: он – дитя земли, дитя природы. Исследователь Библии Г. В. Синило считает, что «Біблія дае нам магчымасць зразумець, што ў пэўнай ступені чалавек – прадукт эвалюцыі Прыроды, чалавек – істота біялагічная і не можа жыць па-за межамі прыроднай прасторы. Дарэчы, адсюль узнікае і неабходнасць захоўваць гэтую прастору і берагчы яе. Чалавек створаны, каб клапаціцца пра ўсё жывое, бо ён сам – арганічная частка ўсяго жывога» [1, с. 89–90].

Подчиняя природу своим нуждам, человечество одновременно осмысляло этот процесс, создавая различные религиозные и философские концепции бытия, пытаясь познать человеческую суть, место во Вселенной и свое предназначение. Этот основополагающий вопрос, который занимал человеческий разум в поисках ответа, актуализировал идеи о возможности отдаться стихии природного, исторического развития или необходимости управлять ею.

В 1950-е и последующие годы XX века отрицательное влияние на отношения между странами имела «холодная война», вызвавшая гонку вооружений. К тому же атомная бомба несла угрозу самой жизни на земле. Это не могло не отразиться на развитии культуры и духовном самочувствии личности. В Беларуси во второй половине 1950-х годов и позднее бездумно осушается Полесская низменность, занимавшая территорию около 60 тыс. км², в массовом порядке выпрямляются, превращаясь в искусственные каналы, речки и реки, что привело к переосушке и эрозии почв, обеднению уникальной флоры и фауны, падению урожайности.

В США 1950-е годы назвали «запуганными пятидесятыми», «молчаливым десятилетием», но тем не менее писательский голос звучал. В статье «О частной жизни (Американская мечта: что с ней произошло?)» (1955) У. Фолкнер писал: «Американское небо, бывшее когда-то бездонным царством свободы, американский воздух, напоенный некогда живым дыханием независимости, превратились теперь в гигантскую замкнутую атмосферу, подавляющую и то и другое; лишаю-

щую его последнего прибежища – частной жизни, без которой человек не может существовать как личность» [2, с. 93]. В публицистических статьях, повестях и романах У. Фолкнер выступал против издержек цивилизации, навязанной человеку механичности мышления и поведения, душевной пустоты и бесчувственности. Все это часто оборачивается эгоистическим равнодушием к окружающему миру, имитацией духовной жизни, обострением экологических проблем. Это время было отмечено многими историческими событиями и тенденциями в общественной жизни: тяжелая война во Вьетнаме, конфликты на расовой почве, политические убийства, мощное движение за равноправие женщин и т. д. Т. Вулф писал о том, что 1960-е годы стали важной вехой американской истории в смысле нравов и нравственности. Агрессия цивилизации по отношению к природе оказалась чреватой катастрофическими последствиями не только для окружающей среды, но и для внутреннего мира личности.

Публикуются произведения, в которых сельский труд и природа противопоставляются городской жизни, утратившей свою первородную ценность. Таков роман Дж. Апдайка (1932–2009) «Ферма» (1965), где фабульную сторону образует процесс «выяснения отношений» между героями и не последнюю роль в этом играет природное окружение. Джой Робинсон привозит на ферму новую жену Пегги для знакомства с матерью. Сложные семейные взаимоотношения контрастируют с образом самой фермы – символом простора, природы и свободы.

Многие страницы романа «Ферма» Дж. Апдайка посвящены картинам земледельческого труда и сельской природы. Поступки и мысли героев, диалоги имеют здесь специфические особенности, выражающиеся в том, что персонажи взаимодействуют в «атмосфере», насыщенной поэзией природного ландшафта, поэзией фермы. Так, пейзаж олицетворяет состояния героев, моменты прозрения; описание работы на земле столь же поэтично, как описание женского тела: «Солнце взбиралось все выше. Волны горячего воздуха расходились, точно сияние от раскаленного капота, и видно было, как под их напором клонятся травинки. У трактора были бока в мыле, а я, покачиваясь на железном сиденье, по форме напоминающем женские бедра, один среди природы, укрытый пылающим зноем не хуже, чем ночной тьмой, невесомый, взбудораженный своим разрушительным делом, чувствовал, как во мне нарастает возбуждение, и, думая о Пегги, не пытался с ним совладать. Моя жена – поле» [3, с. 543]. Мать Джоя, любящая ферму и старающаяся сохранить ее, понимает, что «человек не создан жить на площади меньше восьмидесяти акров» [3, с. 550], и далее: «когда живешь в городе, где воздух кондиционирован и все времена года похожи друг на дружку. Здесь, на ферме, у меня каждую неделю новости, каждый день перемены. То в поле мелькнула новая мордочка, то птицы запели по-другому, и ничто не повторяется. Природа не знает повторений; такого вот августовского вечера еще никогда не было и никогда больше не будет... Мир с тех пор очень изменился. Так мало осталось профессий, которые бы что-то давали душе» [3, с. 578]. *Вслед за Фолкнером Апдайк поднимает проблему корней человека, его родового гнезда, потеря которого ведет к нарушению жизненного русла.* Дома на ферме Джой вновь переживает свое прошлое, но не в силах отказаться от «детской мечты об избавлении» [3, с. 621] от фермы и жизни в городе среди небоскребов и супермаркетов.

Обращение к простому и творческому труду как способу преодоления пороков современной американской цивилизации, восстановление вечных ценностей и сближение с природой характерны для творчества Дж. Гарднера (1933 – 1982). Действие романа «Осенний свет» (1976) протекает в американской провинции, вдали от больших городов. Тихая жизнь маленьких поселков, далекая на первый взгляд от бессмысленной суеты и бешеного ритма мегаполисов, не чужда «проклятых» проблем технократической цивилизации, темных сторон большого бизнеса и большой политики. Герои романа – семидесятитрехлетний фермер Джеймс Пейдж и его сестра Салли, живущие в штате Вермонт в 1976 г. после того, как страна уже отпраздновала двухсотлетие национальной независимости. В этот год старому Джеймсу Пейджу становится особенно ясно, что Америка совсем не та, что была раньше, какой она ему всегда представлялась – страна суровых и честных людей, умеющих трудиться и постоять за себя, несущих в себе здоровое начало, исходящее от земли, от природы. Люди перестали соизмерять свои поступки с духовными идеалами, тогда как этические законы вписаны в саму природу. Природа у Дж. Гарднера – *это источник не только животных, иррациональных инстинктов, но и высокого смысла, всеобъемлющей*

идеи существования. Джеймс навещает в больнице умирающего друга Эда Томаса, тот вспоминает свою жизнь и сожалеет, что не увидит больше раннюю весну, когда вскрываются реки и оттаивает земля: «Вот это жизнь, скажу я тебе, Джеймс, хотя ты и сам знаешь. Стоишь под кленами, считаешь ведра, будто банкир свои сокровища, и смотришь на склоны гор, где у тебя на глазах пробуждается природа. Серебрятся вербы, ручьи бегут, зеленые, как изумруды. . . Мне жаль, что в этом году я не смогу принять во всем этом участия – или приму, да только как-то по-другому, чем раньше. Но жаловаться нельзя» [4, с. 217]. Таков нравственный закон, который должен победить другие законы, определившие историю Америки и определяющие ее жизнь сегодня. «Воинственность – закон человеческой природы», – так его не без сожаления формулирует Т. Джефферсон в эпилоге ко всему роману. Отказ от духовной связи с ней означает разрыв с миром, энтропию и забвение.

Белорусская литература, развиваясь в строгих рамках социалистического реализма, являлась средством прямого диктата официальной идеологии, направленного на восхваление существующего в стране и обществе положения. По-прежнему делалась ставка на то, что советский человек должен преобразовать природу во имя коммунистической идеи.

Дальнейшее продолжение и развитие получила тема «человек и природа» во второй половине XX века. Литература, «приобщаясь» к природе, воздействует на человека эстетически. В художественной литературе усиливается внимание к философско-этической и экологической проблематике. Появляются произведения М. Стрельцова, И. Пташникова, Б. Саченко, в которых осознается потребность «восстановить» природу в своих правах, пробудить в человеке его пра-память, в которой хранится «воспоминание» о своих истоках. «Открытие» природы было связано с тем, что отношение к ней рассматривалось как критерий этической сущности человека. Г. Белая, исследуя русскую натурфилософскую прозу XX века, писала: «Казавшаяся еще недавно локальной, зачислявшаяся по ведомству «деревенской» прозы, какой бы литературе она ни принадлежала, проблема матери-земли обнаружила свой онтологический смысл» [4, с. 123].

Проза о деревне представила читателю человека, вписанного в природный миропорядок, унаследовавшего многовековую народную нравственность и обратилась к основам бытия и «вечным» вопросам о жизни и смерти, о смысле человеческого существования, о драматических судьбах народа. В белорусской литературе тема отношений человека и природы представляет собой философскую попытку толковать и объяснять природу *с целью познания связей и закономерностей явлений природы.*

Эти тенденции присущи творчеству Б. Саченко (1936 – 1995), автора многих рассказов и повестей. Одно из значительных его произведений «Вепрь-шатун» (1963) посвящено в том числе теме отношения человека к природе. Повесть начинается с описания родного Полесья, однако представленная картина скорее отталкивает, вызывая чувство тревоги. В центре – образ молодого лесника Анисима, человека сложного, недоверчивого и одинокого, оставленного женой, которая уехала в город со студентом-практикантом. С Анисимом нелегко, он сухой, черствый, некоммуникабельный. Но любовь, доброта, сочувствие необходимы ему, как и каждому. Думая над пережитым, герой постепенно начинает понимать: прежде чем требовать и ждать сочувствия от других, необходимо самому стать добрее, человечнее, приблизиться к людям. Просветление души, момент истины приходят к леснику не сразу, ему приходится пережить драму переосмысления представлений о жизни. Особенно много и мучительно размышляет он над пережитым, в том числе и во время охоты, когда идет вдогонку за раненым зверем. Охоту на вепря в повести можно воспринимать и понимать как своего рода развернутую метафору огромных физических и душевных усилий человека с целью испытать, отстоять и чем-то преодолеть себя в противоборстве с неблагоприятными жизненными обстоятельствами. Природный фон повествования помогает писателю в создании подлинно самобытных и естественных характеров действующих лиц, особенно лесника Анисима.

Повесть «Вепрь-шатун» была написана не без влияния знаменитой повести Э. Хемингуэя «Старик и море» (1952), повести о человеке и природе, о том, что их взаимоотношения не должны переходить границ дозволенного. Герой повести «Старик и море» Сантьяго – «единственный человек», в котором проступают извечные начала бытия. В этой повести выразился специфический руссоизм автора, его протест против технократической цивилизации, стремление найти

«свободную» территорию за ее пределами. Э. Хемингуэй и Б. Саченко – писатели разных литературных школ и эпох, но один и другой были равнодушны к окружающему миру природы, умели создать выразительный пейзаж, передать красоту первозданной природы, как ее ощущает герой. Борьба Старика с Большой Рыбой продолжает ранние рыболовные рассказы Э. Хемингуэя и восходит к мелвилловскому «Моби Дику», но творческой индивидуальности американского писателя в меньшей мере была свойственна эпическая подоснова, столь присущая белорусской прозе, а социальные категории он стремился переводить, как и Г. Мелвилл, в план категорий этических. Образ Анисима тоже исполнен этического смысла, и в нем, как и в произведении Э. Хемингуэя «Старик и море», присутствует пафос «опрошения» и приближенности к природе. Один и другой – дети природы, но Старик добрее и мудрее Анисима, разуверившегося во всем, даже в близких людях. Не в состоянии помочь охотнику и постоянное общение с природой, в которой видятся прежде всего животные инстинкты, бесконечная борьба за существование. Но именно природный мир в столкновении героя с волчьей стаей подводит к хемингуэевской мысли об ущербности человеческого одиночества, о том, что человек нуждается в помощи и солидарности. Человеческая драма у героя Э. Хемингуэя подернута дымкой вечности, у Б. Саченко она более ограничена координатами своего времени. Но не только хемингуэевские мотивы близки творчеству Б. Саченко. Образ леса в его прозе исполнен глубокого смысла и внушает мысль о таинственном родстве между человеком и растительным миром и напоминает повесть У. Фолкнера «Медведь».

Духовная целостность современного человека невозможна вне той природно-предметной реальности, с которой связана его жизнь, «сложность именно в том, что мы уже всем своим существом, а не только умом, ощущаем, например, что дождь, дерево – не человек, не подобное нам существо, и тем не менее ощущаем – все же – какую-то глубокую душевную связь, взаимодействие с этим деревом, дождем» [5, с. 241]. Мысль эта не новая, еще Спиноза и Б. Паскаль считали, что материя мыслит («мыслящий тростник»), и именно к ней подводят многие произведения В. Козько, в том числе одно из первых «экологических» произведений на белорусском языке – повесть «Цветет на Полесье груша» (1978). Изображаемое в повести передается через восприятие и переживания ее героя – немого рыбака Евмена, ассоциативно наталкивающего на образ слабоумного Бенджамена Компсона из «Шума и ярости» (1929) У. Фолкнера. Образы Евмена и Бенджи характеризуют степень их приближенности к природе в творчестве двух писателей и акцентируют внимание на том, что природа может быть источником и мудрости, и примитивизма, и созидательного добра, и разрушительной злобы. Произведения демонстрируют различные соотношения природного и социального, естественного и искусственного в человеческом характере и приводят к пониманию того, что ни биологическое, ни социальное не исчерпывает человеческую личность, и компромисс может быть найден только в области этики. Фолкнер использует здесь особый прием, который позволяет выявить своеобразие характеров действующих лиц, особенности их поведения. Когда Кэдди гуляет с Бенджи, заступается за него, она «пахнет деревьями» [6, с. 360], друг Бенджи, Верш «пахнет дождем. И собаками тоже» [6, с. 379]. Сознание Бенджи не может отделить объективное от субъективного, оно по сути своей мифологическое, как и у Евмена, человека архаического уровня культуры, не отделяющего природное от индивидуального, наделяющего карпа человеческими свойствами и пониманием окружающего мира. Образы Бенджи и Евмена выражают природное, естественное начало. Онтологические категории проявляются в мифологическом сознании Бенджи посредством свободного определения собственного бытия: «Я был ... меня нет» [6, с. 380]. В. Козько использует в повести прием мифологизации, который значительно расширяет пределы художественного обобщения, дорастая до условно-символических форм. Природные образы карпа как существа мыслящего и опаленной огнем груши-дички символизируют обновление души и жизни Евмена. Человек и природа здесь сближены, между героем и карпом резкой границы нет, но обнаруживается общее в понимании того, что «ў прыродзе няма жорсткасці, у ёй толькі прага жыцця» [7, с. 4]. Уверенность в этом подсказывает Евмену единственно верное решение – выпустить карпа на волю в родную стихию, тем самым укореняя идею продолжения жизни: «Хіба ж гэта хто здольны пражыць жытку на зямлі і не пусціць карпаня, не даць парасткаў» [7, с. 478].

В опыте «идиота» Бенджи, выраженном в его речи, а также в образе немого рыбака Евмена видно состояние иррационального напряжения, когда человек осознает конечность своего бытия

и испытывает стремление к вечности, к обновлению жизни: «Нешта радаснае і прыгожае выпявала пад гэтымі маладымі майскімі зоркамі. Нечага чакалі ажураныя ўначы хаты, маўклівыя калодзежныя крукі. Штосьці ўсё ж павінна было адбыцца» [7, с. 478]. Ожидание чуда в жизни Евмена приближает к мысли о вечном возрождении/воскресении как природного пространства, воплощенного в образе цветущей груши, так и человеческого духа.

М. Стрельцов (1937–1987) истоки нравственности человека тоже во многом видел в окружающей природе, к которой испытывал удивительную пантеистическую устремленность. Картины природы в произведениях всегда связаны с мироощущением писателя, приближая его к натурфилософии Эмерсона и Торо. Об этом красноречиво свидетельствует эссе «День в шестьдесят суток» (1964), навеянное пребыванием на Севере: «Магчыма, усе чорныя меланхоліі, усе мерлых-люндыі бываюць ад гэтага. Бяжы тады чалавек, бяжы, хутчэй ідзі да прыроды: яна безупынна шле табе свае сігналы, як сонца прамені, але ёй не трэба твой адказ. Няхай не бянтэжыць цябе гэта. У яе абьякавасці не пагарда да нас – толькі вялікі спакой і паўната жыцця. На хвіліну забудзь сваю асобу, кажа нам прырода, адчуй сябе адначасова і травінкай, і морам, і самім сабой. Я твая маці, а ты маё блуднае дзіця» [8, с. 182]. Стрельцову близка мысль М. Пришвина о том, что «в природе есть все, и наше человеческое дело есть только дело сознания (сознательной личности). Дело человека высказывать то, что молчаливо переживается миром. От этого высказывания, впрочем, изменяется и сам мир» [9, с. 105].

Белорусская литература стремится подняться на тот уровень, который содействовал бы ее универсальному значению. В этом случае она обращается не только к бытовым деталям, описаниям и подробностям того, что происходит в действительности, но и к универсальным архетипам образного мышления – мифу, легенде, крупным философским обобщениям, анализу человеческой сущности. Писатели все больше внимания обращают на нравственное чувство, память, опыт человека.

Изображая действительность, американские и белорусские писатели исследуют базисные взаимоотношения человека, социума и природы, стремятся философски осмыслить тему «человек и природа» и осознать их неразрывное единство, обращая внимание на вопросы слитности человека с природным миром, заявляют тему уничтожения природы человеком и, следовательно, потери своих «корней».

Литература

1. *Сініла, Г. В.* Біблія як феномен культуры і літаратуры: у 2 ч. / Г. В. Сініла. – Мінск : Беларус. навука, 2003. – Ч. 1: Духоўны і мастацкі свет Торы. Кніга Быцця. – 449 с.
2. *Фолкнер, У.* Стат'і, рэчы, інтэрв'ю, пісьма: пер. с англ. / У. Фолкнер. – М.: Радуга, 1985. – 488 с.
3. *Апдайк, Дж.* Кролик, беги. Кентавр. Ферма: романы / Дж. Апдайк; пер. с англ.: М. Беккер [и др.]. – Кишинев: Лит. артистикэ, 1984. – 630 с.
4. *Гарднер, Дж.* Осенний свет: роман / Дж. Гарднер. – М.: Прогресс, 1981. – 429 с.
5. *Гусев, В. И.* В предчувствии нового: о некоторых чертах литературы шестидесятых годов / В. И. Гусев. – М.: Сов. писатель, 1974. – 328 с.
6. *Фолкнер, У.* Собр. соч.: в 6 т.: пер. с англ. / У. Фолкнер. – М.: Худож. лит., 1985. – Т. 1: Сарторис: роман; Шум и ярость: роман. – 589 с.
7. *Казько, В. А.* Выбраныя творы: у 2 т. / В. Казько. – Мінск: Маст. літ., 1990. – Т. 2: Хроніка дзедомаўскага саду: раман; Цвіце на Палессі груша: аповесць. – 480 с.
8. *Стральцоў, М.* Выбранае: проза, паэзія, эсэ / М. Стральцоў. – Мінск: Маст. літ., 1987. – 607 с.
9. *Пришвин, М.* Дневник 1915 / М. Пришвин // Лит. учеба. – 1989. – № 6. – С. 87–109.

O. V. GNILAMEDOVA

MAN AND NATURE IN THE CONCEPTION OF AMERICAN AND BELARUSIAN WRITERS OF THE SECOND HALF OF XX CENTURY

Summary

In the American and Belarusian prose such writers as J. Updike, John Gardner, Ernest Hemingway, B. Sachenko, M. Streltsov tend to interpret nature on the philosophical level.

Also to explain communications and regularities of natural phenomena, both American and Belarusian writers pay attention to issues of human fusion with the natural world and declare the theme of destruction of nature by the person that result in a loss of «roots».